

**Поссе Владимир Александрович**

# **История современной России**

**Царствование имп. Николая II**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
В57

В57 **Владимир Александрович П.**  
История современной России: Царствование имп. Николая II / Поссе Владимир Александрович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 100 с.

**ISBN 978-5-519-79224-0**

**ISBN 978-5-519-79224-0**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## Царствованіе Императора Николая II.

### I.

#### ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ ДО РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

**Самодержавіе и мѣстное самоуправленіе.**—Въ Россіи смѣна царствованій обыкновенно сопровождалась и смѣной внутренней политики. Стоить только вспомнить первые годы царствованій Александра I, Николая I, Александра II и Александра III. Общественные дѣятели, стремившіеся къ установленію въ Россіи конституціоннаго образа правленія, надѣялись, что и Николай II, вступивъ на престолъ, измѣнитъ политическій курсъ, котораго держался Александръ III, и что это измѣненіе будетъ направлено къ дарованію Россіи конституціи западно-европейскаго образца со всѣми свободами и съ народнымъ представительствомъ, облеченнымъ законодательною властью. Въ этой надеждѣ они въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ провели постановленія о подачѣ молодому монарху вѣрноподданнѣйшихъ адресовъ, въ которыхъ косвенно указывалось на необходимость допущенія земствъ къ участию въ законодательныхъ работахъ. Такіе адреса были приняты 9 губернскими земскими собраніями (Тверскимъ, Тульскимъ, Уфимскимъ, Полтавскимъ, Саратовскимъ, Тамбовскимъ, Курскимъ, Орловскимъ, Черниговскимъ): За подачу адресовъ съ конституціонными намеками высказались кромѣ того губернскаго собранія Псковское, Новгородское, и Смоленское, но отказались отъ принятыхъ постановленій, узнавъ, что адреса вышеупомянутыхъ 9 земствъ встрѣчены крайне неблагоклонно. Адресъ Тверскаго земства былъ даже не принятъ Государемъ, и на докладѣ о немъ министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовала Высочайшая резолюція: «Я чрезвычайно удивленъ и не-

доволенъ этой неумѣстной выходкой 35 гласныхъ губернскаго земскаго собранія». Еще знаменательнѣе была рѣчь, произнесенная императоромъ на приѣмѣ представителей дворянства, земствъ и городовъ въ Николаевской залѣ Зимняго дворца 17 января 1895 г.

«Я радъ — сказалъ императоръ — видѣть представителей всѣхъ сословій, съѣхавшихся для заявленія вѣрноподданическихъ чувствъ. Вѣрю искренности этихъ чувствъ, искони присущихъ каждому русскому. Но мнѣ извѣстно, что въ послѣднее время слышались въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаніями объ участіи представителей земства въ дѣлахъ внутренняго управленія. Пусть всѣ знаютъ, что Я, посвящая всѣ Свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавія такъ же твердо и неуклонно, какъ охранялъ его мой незабвенный, покойный родитель».

Такимъ образомъ всѣмъ сдѣлалось ясно, что на этотъ разъ смѣна царствованія не означаетъ смѣны внутренней политики.

Императоръ Николай II рѣшилъ неуклонно держаться завѣтовъ Александра III. Вліяніе двухъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей прошлаго царствованія—оберъ-прокурора Св. Синода Побѣдоносцева и министра финансовъ Витте—скорѣе усилилось, чѣмъ ослабѣло.

Побѣдоносцевъ строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы православная церковь, оставаясь «господствующей» по отношенію къ другимъ церквамъ и въ особенности сектамъ, служила бы интересамъ самодержавной власти. Стараясь подчинить народное образованіе православной церкви путемъ насажденія церковно-приходскихъ школъ, Побѣдоносцевъ дѣлалъ это не столько въ ин-

тересахъ православія, сколько въ интересахъ сильной самодержавной власти. Церковь должна была воспитать народъ въ подчиненіи государству.

Витте считалъ необходимымъ развитие обрабатывающей промышленности и торговли; онъ покровительствовалъ имъ всѣми зависящими отъ него средствами, но въ то же время не желалъ выпускать ихъ изъ-подъ правительственной опеки. Оставаясь вѣрнымъ слугою самодержавнаго монарха, онъ хотѣлъ быть начальникомъ не только въ области финансовъ, но и въ области промышленности и торговли. Онъ стремился сдѣлать самодержавіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и бюрократію, силою не только политической, но и экономической. Онъ сильно расширилъ область государственнаго хозяйства введеніемъ винной монополіи и выкупомъ въ казну важнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ; онъ подчинялъ своему вліянію наиболѣе крупныя акціонерныя общества; онъ хотѣлъ направлять по своему усмотрѣнію даже «биржевую игру».

Въ то же время онъ привлекаетъ въ страну иностранные капиталы, конвертируетъ старые займы и безбоязненно увеличиваетъ государственный долгъ новыми займами. Такъ же безбоязненно онъ закрѣпляетъ за рублемъ его фактический курсъ, составляющій лишь  $\frac{2}{3}$  номинальной цѣны, т. е. производитъ девальвацию; эту девальвацию онъ прикрываетъ введеніемъ золотой валюты.

Всѣ эти мѣры были проведены рѣшительно, послѣдовательно и очень ловко. Въ то же время государственной податной прессѣ дѣйствовалъ съ возрастающей энергіей, а земскимъ сборамъ былъ положенъ предѣлъ введеніемъ предѣльнаго обложенія.

Въ результатѣ, несмотря на несомнѣнное обѣднѣніе народа, несмотря на періодическія голодовки, государственный бюджетъ возросъ до двухъ милліардовъ и заключался не только безъ дефицита, но даже съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами.

Къ развитію мѣстнаго самоуправленія Витте относился отрицательно, считая усиленіе земства опаснымъ для самодержавія. По этому вопросу у него произошло столкновение съ Горемыкинымъ, назначеннымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ октябрѣ 1895 года. Между министрами произошелъ

обмѣнъ конфиденціальными записками по поводу предположенія Горемыкина ввести въ Западномъ краѣ земскія учрежденія (1899).

Оба министра безусловно стояли за избытокъ самодержавія, но Горемыкинъ находилъ, что земскія учрежденія, подчиненныя мѣстной и центральной власти, поддерживаютъ самодержавную власть; Витте же доказывалъ, что они противорѣчатъ ей и въ своемъ развитіи неминуемо ведутъ къ конституціи.

Любопытно, что оба министра придавали при этомъ огромное значеніе «самодѣтельности личности».

Горемыкинъ въ защиту земства выдвигалъ эту самодѣтельность, какъ «основу дѣйствительной силы всякаго государства, какова бы ни была его форма».

Витте соглашался, что «мысль о значеніи самодѣтельности личности — мысль безспорно глубокая», что она «долго будетъ руководящимъ правиломъ для всякаго государственнаго человѣка», но для «самодѣтельности личности» безразлична форма правленія и управленія страной; для развитія этой самодѣтельности земское самоуправленіе въ самодержавномъ государствѣ не только не нужно, но и вредно.

«Каждое правовое государство — писалъ Витте — будетъ ли то самодержавная имперія, конституціонная монархія или любой видъ республики,—можетъ и обязано установить государственный порядокъ, обеспечивающій хозяйственный бытъ, личную безопасность и развитіе общественной самодѣтельности». Но для этого необходимо «единство въ управленіи», единство, которому противорѣчатъ «земскія учрежденія въ самодержавномъ государствѣ».

«Каждое учрежденіе — говоритъ Витте — хорошо въ строѣ, ему соотвѣтствующемъ, и непригодно въ строѣ, ему не отвѣчающемъ. Въ конституціонномъ государствѣ земства могутъ быть превосходнымъ средствомъ управленія: тамъ они составляютъ одно звено въ цѣпи, скованной изъ одного металла; тамъ ихъ положеніе вполне опредѣленно, они могутъ дѣлать свое дѣло, не забѣгая впередъ и не опасаясь ежеминутно за прочность своего существованія. Тамъ впереди ихъ, въ центральныхъ органахъ есть ихъ же представители, и потому къ предначертаніямъ этихъ органовъ они всегда будутъ относиться съ полнымъ довѣ-

ріємъ, будуть усердными исполнителями ихъ распоряженій; въ свою очередь центральныя представительныя учрежденія будутъ всегда чутко прислушиваться къ желаніямъ органовъ мѣстныхъ. Совершенно въ иномъ положеніи стоитъ и всегда будетъ стоять земство въ государствѣ самодержавномъ. Здѣсь, по своему строю, такія учрежденія, какъ земства, рѣзко отличаются отъ всего, что кругомъ нихъ и что выше ихъ; здѣсь они олицетворяютъ иное начало, а отсюда и безконечныя недоразумѣнія, предупрежденія, пресѣченія, пререканія, столкновенія, исключенія и репрессивныя мѣры и т. д.»

Логика Витте побѣдила Горемыкина, и въ 1899 году Горемыкинъ былъ замѣненъ Сипягинымъ, который энергично принялся за установленіе единства въ правленіи и управленіи.

**Рабочее движеніе.**—Конецъ 80-хъ и начало 90-хъ годовъ прошли сравнительно спокойно. Крупныхъ революціонныхъ всплешекъ и террористическихъ актовъ не было. Народъ, въ томъ числѣ и образованное общество, казалось, успокоился и примирился съ существующимъ порядкомъ вещей. Среди крестьянъ продолжали ходить слухи о «землѣ и волѣ», но безпорядковъ эти слухи не вызывали. Во время своей торжественной коронаціи (май 1896 г.) Императоръ Николай II, чтобы парализовать вліяніе этихъ слуховъ, напомнилъ волостнымъ старшинамъ слова Императора Александра III, который во время своей коронаціи (май 1883 г.) сказалъ волостнымъ старшинамъ:

«Слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства и не вѣрьте вздорнымъ и нелѣпнымъ слухамъ и толкамъ о передѣлахъ земли, даровыхъ прирѣзкахъ и тому подобному. Эти слухи распускаются Нашими врагами. Всякая собственность, точно такъ же, какъ и ваша, должна быть неприкосновенна».

«Я хочу, — сказалъ Императоръ Николай II, — чтобы эти слова всегда служили вамъ твердымъ руководствомъ».

Сохраненіе порядка и спокойствія въ деревнѣ обезпечивалось уже тѣмъ, что въ «мѣстныхъ дѣлахъ» — по словамъ молодого монарха — «полезное и безкорыстное участіе» принимало дворянство, которое «всегда будетъ, какъ оно и было, опорой Престола».

Поблагодаривъ за это дворянство, Государь въ своей рѣчи къ его представителямъ указалъ, что Ему «извѣстно трудное время, переживаемое помѣстнымъ дворянствомъ».

«Будьте спокойны, — продолжалъ онъ, — Я не забуду его нужды въ Моихъ заботахъ о преуспѣяніи нашего дорогого отечества».

Коронаціонныя празднества, во время которыхъ царь вошелъ въ непосредственное общеніе съ представителями дворянства и крестьянства, были торжествомъ самодержавнаго принципа.

Къ сожалѣнію, эти празднества сопровождались печальной случайностью: на Ходынскомъ полѣ во время раздачи народу царскаго угощенія (кружекъ, пироговъ и пр.) произошла такая сумятица, что около 4.000 человекъ были затоптаны и задавлены (18 мая 1896 г.). Но, разумѣется, это несчастіе не имѣло ничего общаго съ революціоннымъ броженіемъ.

На свѣтломъ фонѣ примиренія и успокоенія черной тучкой выдѣлялось одно только рабочее движеніе.

Оно являлось неизбежнымъ послѣдствіемъ роста фабрично-заводской промышленности; ему косвенно способствовало само правительство, въ особенности протекціонными пошлинами на продукты иностранной промышленности и привлеченіемъ иностранныхъ капиталовъ къ созданію и развитію фабрично-заводскихъ предпріятій внутри Россіи.

Иностранныя капиталы явились въ Россію со всѣми новѣйшими техническими усовершенствованіями, съ опытными инженерами и мастерами; они перенесли къ намъ промышленность въ ея высшей капиталистической стадіи.

Россія почти не знала длительного и мучительнаго процесса выработки современнаго крупнаго производства; оно явилось къ ней готовымъ; оно возникаетъ всюду, куда вторгается иностранный капиталъ. Создавая съ необычайной быстротой крупное производство, «иностранный капиталъ» съ тою же быстротой создаетъ сильный классъ промышленнаго пролетаріата. Капиталъ — иностранный, трудъ — русскій. Русская промышленная буржуазія слаба, русскій промышленный пролетаріатъ силенъ.

Марксъ выставилъ положеніе: «каковъ хозяинъ, таковъ работникъ». «Хозяиномъ» русскаго пролетаріата является буржуазія, не столько русская, сколько наиболѣе энергичная англійская, французская, бельгійская,

нѣмецкая. Революціонная энергія русскаго пролетаріата куется отчасти промышленной энергіей западно-европейской буржуазіи.

Рабочее движеніе напомило о себѣ непосредственно за окончаніемъ коронаціонныхъ торжествъ, и даже въ нѣкоторой внѣшней зависимости отъ нихъ.

24 мая 1896 г. въ Петербургѣ вспыхнула грандіозная стачка рабочихъ и работницъ бумагопрядильныхъ и ниточныхъ мануфактуръ. Послѣднимъ толчкомъ къ этой забастовкѣ, въ которой принимало участіе болѣе 30.000 человекъ, былъ отказъ фабрикантовъ выдать заработную плату за вынужденно-безработные коронаціонные дни.

Въ моментъ возникновенія забастовки нѣкоторые фабриканты выполнили требованіе рабочихъ объ уплатѣ за коронаціонные дни, но уже не могли остановить стачки, вспыхнувшей по незначительному поводу, но выдвинувшей очень значительное требованіе — сокращеніе рабочаго времени съ 13 час. до 10½ час.

Стачка длилась до 17 іюня. Добиться исполненія своего главнаго требованія забастовщикамъ не удалось. Но эту забастовку отнюдь нельзя признать безрезультатной. Она оказала сильное давленіе на фабрикантовъ и на правительство, заставивъ его обратить серьезное вниманіе на рабочій вопросъ.

Фабричные инспектора во время стачки старались успокоить забастовщиковъ увѣреніемъ, что само правительство понимаетъ, что необходимо сократить рабочій день законодательнымъ путемъ. И, дѣйствительно, подъ вліяніемъ петербургской забастовки 1896 г. и готовности рабочихъ возобновить ее въ болѣе широкихъ размѣрахъ, въ 1897 г. правительствомъ при участіи фабрикантовъ былъ выработанъ законъ объ ограниченіи рабочаго времени 11½ часами.

Этотъ законъ, получившій окончательную санкцію 2 іюня 1897 г., не только не остановилъ стачекъ, но мѣстами самъ послужилъ поводомъ для широкаго стачечнаго движенія. Такъ, напр., въ Западномъ краѣ, гдѣ рабочіе во многихъ мѣстахъ еще раньше сумѣли путемъ стачекъ ограничить рабочій день 11½ час., 10½ и даже 9½ час., фабриканты, опираясь на новый законъ, пытались удлинить рабочее время, но встрѣтили дружный отпоръ и были побѣждены по всей линіи.

Вообще въ Западномъ краѣ рабочее движеніе развивалось особенно быстро и успѣшно. Въ 1897 г. было 42 стачки, изъ нихъ 32 выиграны рабочими. Въ 1898 г. — 44, изъ нихъ 36 выиграны рабочими. Въ 1899 — 67, изъ нихъ выиграны 34.

Стачки, какъ въ Западномъ краѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россійской Имперіи, все чаще начинаютъ приурочиваться къ международному пролетарскому празднику 1 мая.

Изъ первомайскихъ забастовокъ особенно значительны были «всеобщія стачки» 1899 г. въ Ригѣ и Либавѣ, которыми ознаменовалось классовое пробужденіе латышскаго пролетаріата. Въ Либавѣ майская забастовка прошла мирно, въ Ригѣ же произошли столкновенія съ полиціей и войсками, при чемъ 16 рабочихъ было убито, 22 тяжело ранено.

Къ концу прошлаго столѣтія забастовки становятся обычнымъ явленіемъ во всѣхъ промышленныхъ центрахъ. Онѣ завоевываютъ себѣ право гражданства вопреки закону, карающему даже самыя незначительныя забастовки тюремнымъ заключеніемъ. Эти законы фактически не примѣняются уже по одному тому, что для забастовщиковъ не хватило бы тюремъ.

Одновременно появляется потребность въ рабочихъ организаціяхъ.

Рабочіе отчасти цѣпляются за легальныя кассы и общества взаимопомощи, отчасти организуютъ нелегальныя «союзы».

Рабочее движеніе постепенно становится однимъ изъ наиболѣе важныхъ факторовъ русской общественной жизни.

Бюрократія чувствуетъ себя не въ силахъ просто «подавить» его и пытается овладѣть имъ. Нарождается «полицейскій социализмъ», вдохновителемъ котораго явился начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія Зубатовъ.

Зубатовъ, поддерживаемый нѣкоторыми высокопоставленными лицами, пошелъ навстрѣчу потребности въ рабочихъ организаціяхъ. Онъ способствовалъ образованію рабочихъ обществъ, надѣясь подчинить ихъ полицейскому вліянію; для этой цѣли онъ не останавливался передъ вмѣшательствомъ въ отношенія между хозяевами и рабочими, нерѣдко становясь на сторону послѣднихъ. Онъ старался убѣдить рабочихъ, что свое положеніе они могутъ улучшить лишь въ союзѣ съ правительствомъ.

Разъ для рабочихъ будетъ открытъ «законный исходъ изъ затруднительныхъ случаевъ его положенія»—писалъ Зубатовъ въ одной изъ своихъ «записокъ»—тогда «за агитаторомъ пойдетъ лишь наиболѣ юная и энергичная часть толпы, а средній рабочий предпочтетъ всегда не столь блестящій, но болѣе законный исходъ. Расколота такимъ образомъ толпа потеряетъ ту свою силу, на которую такъ рассчитываетъ и надѣется агитаторъ».

Сначала упованія Зубатова, казалось, оправдывались. Организованное въ 1900 г. при его содѣйствіи «московское общество рабочихъ механическаго производства» было вполнѣ благонадежнымъ, и съ его помощью Зубатову удалось устроить патристическую рабочую демонстрацію съ возложеніемъ вѣнка на памятникъ Александра II.

Но послѣдующія событія показали, что зубатовщина, давъ новый толчокъ развитію рабочаго движенія, не въ силахъ была овладѣть имъ.

Въ началѣ новаго столѣтія волны стачечнаго движенія поднимаются особенно высоко.

По официальнымъ даннымъ въ 1901 г. было 120 стачекъ; по числу стачекъ первое мѣсто занимала губернія Виленская (30 стачекъ), по числу забастовщиковъ Петербургская (14.300 забаст.). Въ Петербургѣ въ этомъ году происходили чрезвычайно «нервные» майскія забастовки, сопровождавшіяся безпорядками и столкновениями съ полиціей и войсками. На Шлиссельбургскомъ трактѣ забастовщики Обуховскаго завода были разсѣяны залпами морской команды. Изъ среды забастовщиковъ,—какъ на Выборгской сторонѣ, такъ и на Шлиссельбургскомъ трактѣ,—раздавались крики: «Намъ нужна свобода!» «Да здравствуетъ революція!» и т. д.

Въ іюлѣ 1903 г. стачечная буря съ небывалой силой пронеслась по югу Россіи и Кавказу.

Предвѣстникомъ всеобщихъ забастовокъ 1903 г. была ноябрьская забастовка 1902 г. въ Ростовѣ-на-Дону. Она началась 2 ноября стачкой котельщиковъ владикавказскихъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. 4 ноября къ стачкѣ примкнули всѣ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Къ 7-му ноября стачка захватила почти всѣхъ рабочихъ Ростова.

Стачка сопровождалась митингами, на которые собирались десятки тысячъ рабо-

чихъ. Ораторы выступали съ политическими рѣчами. Сначала эти митинги терпѣлись начальствомъ, но затѣмъ ихъ было приказано разгонять; при этомъ, конечно, не обошлось безъ жертвъ: при разсѣяніи сходки 11 ноября было убито 7 человекъ.

«Мирный бунтъ», какъ называлъ народъ ростовскую стачку, былъ усмирень, и рабочіе не получили сколько-нибудь серьезныхъ уступокъ.

1903 годъ начался рабочими безпорядками въ Златоустѣ, Уфимской губ. Безпорядки были вызваны введеніемъ новыхъ рабочихъ (договорныхъ) книжекъ, устанавливающихъ очень тяжелыя условія для заводскихъ рабочихъ. Возстановленіе порядка стоило жизни 68 рабочимъ.

Рабочіе безпорядки, подобные златоустовскимъ, нерѣдко происходили въ Россіи и раньше. Но по-истинѣ небывалыми можно назвать южныя и кавказскія стачки начавшіяся бакинской всеобщей забастовкой.

Съ 5-го іюля рабочіе стали полными распорядителями всей хозяйственной жизни бакинскаго района. Стала вся та работа, которую они хотѣли остановить, продолжалась лишь та, которую позволяли продолжать. Стачка сопровождалась многочисленными митингами.

Почти одновременно съ бакинской забастовкой вспыхнула всеобщая забастовка въ Тифлисѣ, откуда распространилась по линіи Закавказской ж. д.

Въ серединѣ іюля бастовалъ почти весь рабочій Кавказъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря.

Одновременно стачечное движеніе захватило Одессу, Николаевъ, Елисаветградъ, Кіевъ, Екатеринославъ.

Въ Одессѣ всеобщая стачка была подготовлена зубатовскимъ «союзомъ рабочихъ по металлу». Этимъ союзомъ руководилъ зубатовскій агентъ Шаевичъ, который подстрекалъ рабочихъ къ небольшимъ забастовкамъ, чтобы такимъ образомъ добиться «довѣрія»; но стачечное пламя вспыхнуло съ такою силой, въ такихъ размѣрахъ, что Шаевичъ, не добившись «довѣрія» у рабочихъ, потерялъ его у своего начальства и, по приказу Плеве, былъ сосланъ въ Вологодскую губернію. Вскорѣ за Шаевичемъ потерялъ довѣріе и самъ Зубатовъ.

Начавшись 4-го іюля забастовкой грузовщиковъ въ порту, одесское движеніе къ 17-му іюля становится всеобщимъ.

«Быль моментъ—писаль одинъ изъ очевидцевъ—когда весь городъ находился во власти рабочей массы, слившейся воедино и безпрепятственно дефилировавшей по городскимъ улицамъ, увлекая своимъ потокомъ всѣхъ собратьевъ, не успѣвшихъ еще до того выйти изъ своихъ мастерскихъ и фабрикъ. Братскія привѣтствія, возгласы, полные бодрости и восторга, вольныя пѣсни, жизнерадостный смѣхъ и шутки носились надъ тысячными толпами, слѣдовавшими черезъ весь городъ съ утра до вечера».

Одесса бастовала около недѣли; затѣмъ стачечный порывъ сталъ ослабѣвать, и 25 іюля городской голова Зеленый могъ уже телеграфировать мин. внутр. дѣлъ, что безчинства прекращены и порядокъ восстановленъ.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ стачекъ кавказской и особенно одесской, въ концѣ іюля вспыхнула всеобщая забастовка въ Кіевѣ.

Началась она 21 іюля въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, рабочіе которыхъ выставили 15 экономическихъ требованій, съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ во главѣ.

24 іюля стачка становится всеобщей. Бастуетъ все рабочее населеніе Кіева. Въ разныхъ частяхъ города происходятъ демонстраціи, сопровождающіяся схватками съ казаками. Около вокзала и на Подолѣ стачечники разсѣиваются ружейными залпами. Въ общемъ за время стачки въ Кіевѣ было убито 13 человѣкъ.

Не столько репрессіи, сколько неизбежное паденіе духа въ связи съ обѣщаніями уступокъ довольно быстро прекращаетъ эту всеобщую забастовку. 1 августа весь рабочій Кіевъ снова принялся за работу.

Екатеринославъ стачечная эпидемія захватила въ началѣ августа. Здѣсь заранѣе подготовившаяся администрація сразу приняла рѣшительныя мѣры.

Въ первый же день стачки войска стрѣляли въ толпу забастовщиковъ, переходившихъ по обыкновенію, отъ завода къ заводу для прекращенія работъ. На другой день толпа забастовщиковъ была жестоко избита нагайками. Паника отъ этихъ рѣшительныхъ мѣръ наступила тѣмъ скорѣе, что на Кавказѣ, въ Одессѣ, Кіевѣ и т. д. всеобщія стачки къ этому времени (середина августа) уже прекратились. Екатери-

нославская всеобщая стачка оказалась наименѣ удачной, и отъ нея у многихъ рабочихъ остался надолго горькій осадокъ. Иначе было въ другихъ городахъ, гдѣ послѣ стачекъ энергія рабочихъ не упала, а поднялась. Баку, Тифлисъ, Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ—таковы главные центры всеобщестачечнаго движенія 1903 года. Но массовыя стачки, демонстраціи и вообще рабочія волненія въ теченіе лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ происходили и во многихъ другихъ городахъ (Николаевъ, Елисаветградъ, Борисоглѣбскъ, Керчь, Конотопъ и т. д.). Возникновеніе и развитіе стачекъ повсюду напоминаетъ то, что происходило въ главныхъ центрахъ движенія. Застрѣльщиками чаще всего являются желѣзнодорожные рабочіе; стачечники обобщаютъ стачку, переходя отъ завода къ заводу, отъ мастерской къ мастерской... Противъ стачечниковъ часто направлялись войска, но приказы стрѣлять отдавались съ осторожностью, и рабочей крови, принимая во вниманіе обширность и революціонность движенія, пролилось немного.

Стачки всюду возникали на экономической почвѣ, но при развитіи ихъ большую роль играло желаніе поддержать товарищей, -- и не только своего города, но и другихъ городовъ. Въ разгарѣ стачки у многихъ рабочихъ мелкія экономическія требованія отступали на задній планъ и являлось стремленіе измѣнить всю жизнь, однимъ взмахомъ создать новый строй. Но что и какъ дѣлать -- никто не зналъ. За порывами и энтузіазмомъ быстро слѣдовало охлажденіе.

На ряду общими требованіями многія категоріи забастовщиковъ выставляли свои спеціальныя требованія, вытекающія изъ особыхъ условій данной отрасли труда.

Всѣ эти требованія возлагались на единый алтарь пролетарской солидарности.

Всеобщая стачка, являясь единымъ дѣйствіемъ всѣхъ, должна была дать каждому то, что ему было особенно важно, то, что облегчало его наиболѣ острые страданія.

Во многихъ случаяхъ рабочимъ, благодаря всеобщей забастовкѣ, удалось добиться нѣкоторыхъ экономическихъ уступокъ.

Но не въ нихъ значеніе южныхъ всеобщихъ забастовокъ. Ихъ значеніе прежде всего въ усиленіи солидарности между рабочими разныхъ профессій и разныхъ

районовъ. Возросло сознание общности интересовъ всѣхъ рабочихъ, сдѣланъ огромный шагъ впередъ въ смыслъ пролетарской классовой организаціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе во-очію убѣдились, что правильное теченіе всей жизни зависитъ отъ ихъ труда, приостановка котораго приостанавливаетъ и жизнь. Они научились цѣнить всеобщую забастовку, какъ свое специфическое средство борьбы.

Идея всеобщей забастовки проникла и въ другіе слои населенія; и политическіе дѣятели, стремившіеся къ измѣненію государственнаго устройства, увидѣли во всеобщей забастовкѣ наиболѣе цѣлесообразное средство для достиженія своихъ политическихъ цѣлей.

**Студенческое движеніе.** Русскіе университеты — и вообще высшія учебныя заведенія — начиная съ 60-хъ годовъ, считаются очагами революціи.

Для искорененія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ революціоннаго духа правительствомъ принимались энергичныя мѣры, но онѣ обыкновенно вмѣсто успокоенія вызывали новыя, болѣе сильныя, волненія и безпорядки. Устранить «студенческіе безпорядки» было тѣмъ труднѣе, что они обыкновенно являлись проявленіемъ недовольства, таившагося во всемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ.

Примирялось общество, примирялось и студенчество; такъ было въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ.

Къ концу 90-хъ годовъ періодъ примиренія началъ смѣняться періодомъ недовольства, и первымъ проявленіемъ этой смѣны были студенческія волненія 1899 года, которыя впервые приняли характеръ забастовки.

Поводомъ къ «забастовкѣ», охватившей многія высшія учебныя заведенія въ Петербургѣ и другихъ городахъ, было избіеніе петербургскихъ студентовъ при выходѣ ихъ изъ университета послѣ годового акта (9 февр. 1899 г.).

Въ обществѣ были крайне возмущены дѣйствіями полиціи, и правительство сочло необходимымъ, въ видѣ уступки общественному мнѣнію, назначить разслѣдованіе дѣйствій полиціи. Руководство разслѣдованіемъ Императоръ поручилъ бывшему военному министру Ванновскому, который проявилъ

въ этомъ случаѣ много добросовѣстности и безпристрастія.

Изъ доклада Ванновскаго вытекала необходимость принять рѣшительныя мѣры противъ излишняго вмѣшательства полиціи въ университетскую жизнь и дать студентамъ право академическихъ собраний и союзовъ; но правительство вступило совершенно на другой путь, издавъ правила о сдачѣ въ солдаты студентовъ, принимающихъ участіе въ нарушеніи нормальной университетской жизни.

Эти правила лишь подлили масла въ огонь. Нормальная жизнь въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ постепенно совершенно прекратилась. Особенно серьезныя волненія произошли въ Киевѣ, и правительство примѣнило новыя правила, сдавъ въ солдаты многихъ студентовъ внѣ очереди, не считаясь съ льготами (1900 г.).

Вскорѣ послѣ этихъ репрессій бывший студентъ Карповичъ выстрѣломъ изъ револьвера смертельно ранилъ министра народнаго просвѣщенія Боголѣпова (14 февраля 1901 г.).

Этотъ террористическій актъ былъ какъ бы сигналомъ для студенческихъ демонстрацій въ различныхъ университетскихъ городахъ. Къ студентамъ присоединялись рабочіе и просто обыватели. Въ Москвѣ эти демонстраціи приняли размѣры народнаго движенія, направленного противъ полиціи.

Въ Петербургѣ 4 марта на Казанской площади многотысячной толпой, состоящей главнымъ образомъ, изъ учащейся молодежи, устроена была демонстрація противъ временныхъ правилъ о сдачѣ студентовъ въ солдаты. Демонстранты были жестоко избиты полиціей и казаками. Среди избитыхъ были видные литераторы (Н. Ф. Анненскій, А. В. Пѣшихоновъ и др.), пришедшіе на площадь, чтобы остановить молодежь отъ какихъ-нибудь необдуманныхъ поступковъ.

Это избіеніе вызвало величайшее негодованіе въ широкихъ кругахъ петербургскаго общества. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ избіенія 44 представителя прогрессивной печати, въ томъ числѣ такіе видные литераторы, какъ Н. К. Михайловскій и М. Горькій, подписали протестъ не только противъ дѣйствій петербургской полиціи, но и вообще противъ царскаго въ Россіи произвола. Протестъ, къ которому присоединилось большинство петербургскихъ литераторовъ и журналистовъ, былъ въ ог-

ромномъ количествѣ распространѣнъ въ Петербургѣ и Москвѣ.

Правительство сначала какъ будто пошло на уступки. Министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ Ванновскій, сдѣлавшійся популярнымъ послѣ своего разслѣдованія дѣйствій полиціи въ 1899 г. Но съ тѣхъ поръ молодежь настолько революционизировалась, что Ванновскій своими маленькими реформами никого не могъ успокоить и быстро потерялъ «довѣріе» большинства студенчества.

Правила о сдачѣ въ солдаты были фактически отмѣнены; но въ то же время карательныя дѣйствія направлены противъ прогрессивныхъ литераторовъ и общественныхъ дѣятелей. Въ апрѣлѣ среди нихъ были произведены многочисленные аресты; за арестами послѣдовали высылки. Особенно пострадала редакція журнала «Жизнь», вокругъ котораго группировались молодые литературныя силы. 8 июня 1901 г. совѣщаніемъ 4-хъ министровъ этотъ журналъ былъ совершенно прекращенъ \*).

Репрессіи только усиливали общественное недовольство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и студенческія волненія, принявшія характеръ революціоннаго движенія, направленнаго на завоеваніе политической свободы.

Но особенно рѣзко этотъ революціонный характеръ проявился въ Москвѣ, гдѣ въ 1902 г. студенческимъ движеніемъ руководилъ особый «Исполнительный Комитетъ».

Московскіе беспорядки, во время которыхъ университетское зданіе было «захвачено» и забаррикадировано студентами, окончились массовыми арестами и такой же массовою ссылкой арестованныхъ студентовъ въ Восточную Сибирь.

Обще-политическая цѣль движенія болѣе не скрывалась.

На «всероссійскомъ студенческомъ съѣздѣ» 1902 г. былъ выработанъ манифестъ, первое положеніе котораго гласило: «Студенческое движеніе есть движеніе политическое».

**Крестьянское движеніе.**—Въ 90-хъ годахъ городъ обращалъ на себя вниманіе рабочими стачками, демонстраціями, студенческими беспорядками; въ деревнѣ же, какъ и раньше, было все спокойно. И не только для

правительства, но и для большинства революціонеровъ и оппозиціи явился совершенно неожиданнымъ крестьянскій бунтъ, охватившій въ мартѣ 1902 г. нѣсколько уѣздовъ Полтавской и Харьковской губ. Бунтовали десятки тысячъ крестьянъ. Бунтъ состоялъ въ дѣлежѣ помѣщичьего имущества, преимущественно хлѣбныхъ запасовъ. Насилій надъ личностью помѣщиковъ или управляющихъ не было. Крестьяне выѣзжали всѣмъ обществомъ, со старостой во-главѣ, и, подѣлавъ къ имѣнію, начинали спокойно забирать все, что имъ нужно: хлѣбъ, орудія, скотъ и пр.; иногда оставляли на сѣмена и на прокормъ помѣщику, по расчету до осени. Забранное равномерно распредѣляли между собою сообразно величинѣ семьи. Остальное свозили въ общественныя магазины.

Бунтъ былъ быстро подавленъ. Бунтовщики жестоко наказаны. Наказаніемъ распоряжался, главнымъ образомъ, харьковскій губернаторъ князь Оболенскій. На мѣстное крестьянское населеніе возложена уплата помѣщикамъ за понесенныя ими потери и убытки.

Крестьянскій бунтъ 1902 года былъ какъ бы предвѣстникомъ того аграрно-крестьянскаго движенія, которое въ 1905 году охватило большую часть деревенской Россіи, проявившись съ особенной силой на Кавказѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ и въ Саратовской губ. Лозунгомъ движенія была «земля и воля», средствомъ — погромы и поджоги помѣщичьихъ усадебъ.

**Разночинно-интеллигентское движеніе.**—Разночинная интеллигенція съ начала 90-хъ годовъ старалась использовать немногочисленныя научныя, литературныя и экономическія общества, чтобы организовать оппозиціонное общественное мнѣніе; она оживила дѣятельность вольно-экономическаго общества, комитетовъ грамотности, союза писателей и т. д., связавъ эту дѣятельность съ работой надъ обновленіемъ всей русской внутренней жизни. Она пользовалась литературными банкетами, юбилейными торжествами, научными съездами и т. д., чтобы объединиться во имя освобожденія страны отъ бюрократическаго гнета и пробудить въ народѣ «политическое сознаніе».

Это была оппозиція «свободныхъ профессій», лидерами которой явились преиму-

\*) Черезъ полгода онъ былъ возобновленъ за-границей и просуществовалъ до января 1902 г.

щественно прогрессивные публицисты. Сначала робкая, оппозиция эта — отчасти под влиянием роста рабочего движения — с каждым годом становилась смелее и определеннее.

Летом 1903 г. наиболее передовая часть разночинной интеллигенции объединилась в тайное политическое общество «Союз освобождения», имевший губернские комитеты и объединяющий их советы.

В «Союз освобождения», кроме литераторов и лиц других «свободных профессий», входила небольшая группа радикальных земцев-конституционалистов.

«Союз освобождения» поддерживал журнал «Освобождение», выходивший за границей под ред. бывшего правого социаль-демократа, затем правого конституционалиста-демократа П. Б. Струве. Но главной опорой журнала «Освобождение» была группа земских деятелей, которые, приняв послѣ 17 октября 1895 г., снова приободрились, когда серьезно заволновались народные низы.

Таким образом, журнал «Освобождение» связывал между собою довольно разнородные элементы оппозиции, насколько та не входила в революционную партию социаль-демократов и социалистов-революционеров.

**Революционная партия.** — В царствование Александра III террористическая партия «Народной Воли» погибла под ударами правительства. В началѣ царствования Николая II образовалась новая революционная партия — социаль-демократическая.

Вначалѣ она состояла почти исключительно изъ интеллигентной молодежи, но къ концу 90-х годовъ въ ея ряды вошло не мало «квалифицированных» или «обученных» рабочихъ. Свою теорію и тактику она заимствовала у нѣмецкихъ социаль-демократовъ. Зачатками партии были кружки пропагандистовъ, называвшіе себя въ Петербургѣ и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ городахъ «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса», а также еврейскіе социаль-демократическіе кружки, образовавшіеся въ Западномъ краѣ, которые объединились въ 1897 г. въ «Союзъ еврейскихъ рабочихъ въ Польшѣ и Литвѣ», извѣстный болѣе подъ жаргоннымъ названіемъ «Бунда».

Въ 1898 г. представители «Союза» борьбы за освобождение рабочего класса, группъ «Рабочей газеты» и «Бунда» устраиваютъ съѣздъ, на которомъ провозглашается образование «Россійской Социаль-демократической рабочей партии»; «Бундъ» входитъ въ нее какъ автономная организація, самостоятельная въ вопросахъ, касающихся еврейскаго пролетаріата. Съѣздомъ принимается «Манифестъ Р. С. Д. Р. партии», составленный молодымъ литераторомъ П. Б. Струве.

Манифестъ, между прочимъ, указываетъ, что «политическая свобода нужна русскому пролетаріату, какъ чистый воздухъ нуженъ для здороваго дыханія».

«Но — добавляетъ онъ — нужную ему политическую свободу русскій пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только самъ».

И, поясняя это, утверждаетъ, что «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата». «На своихъ крѣпкихъ плечахъ — говоритъ «манифестъ» — русскій рабочій классъ долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шагъ къ осуществленію великой исторической миссіи пролетаріата, къ созданію такого общественнаго строя, въ которомъ не будетъ мѣста эксплуатаціи чловѣка чловѣкомъ».

Манифестъ этотъ почти не получилъ распространенія, такъ какъ большинство членовъ съѣзда были арестованы тотчасъ по его окончаніи.

«Россійская С. Д. Р. П.» какъ единая организація, была провозглашена, но фактически она не осуществилась. Въ городахъ образовались социаль-демократическіе «комитеты», но не было верховнаго органа (совѣта или правленія), объединяющаго ихъ.

Идейные руководители руссійской социаль-демократіи удалились за-границу, гдѣ еще въ 80-хъ годахъ нѣсколькими эмигрантами, съ бывшимъ «землевольцемъ» Плехановымъ во-главѣ, образовалась социаль-демократическая группа «Освобождение труда», совершенно оторванная отъ Россіи.

Первые изъ молодыхъ эмигрантовъ, прѣхавшихъ за-границу въ 1898 г., были представителями такъ называемаго «эконо-

мизма», который пришелся не по-душѣ старымъ эмигрантамъ, сторонникамъ «революціонизма».

«Экономисты» считали, что социаль-демократія является и должна быть сознательной выразительницей стихійнаго рабочаго движенія; революціонеры считали, что социаль-демократія должна быть руководительницей рабочаго движенія. Экономисты на первый планъ выдвигали экономическую борьбу (стачки) и экономическія организации (профессиональные союзы); революціонеры—главной задачей социаль-демократіи считали завоеваніе политической власти.

Экономисты образовали заграничный «Союзъ Русскихъ социаль-демократовъ», который издавалъ журналъ «Рабочее Дѣло».

Молодые социаль-демократы, прѣхавшіе за-границу въ 1900 г., оказались «революціонерами» и въ союзѣ съ членами «Освобожденія труда» образовали «Лигу Революціонной С.-Демократіи», органами которой была газета «Искра» и журналъ «Заря».

Между «искристами» и «рабочедѣльцами» началась ожесточенная идейная борьба. Однимъ изъ наиболѣе любопытныхъ документовъ этой борьбы является книга искриста Н. Ленина: Что дѣлать? (Наболѣвшіе вопросы нашего движенія).

Основною мыслью этой книги является утвержденіе, что «классовое политическое сознание можетъ быть принесено рабочему только изъ внѣ, т. е. изъвне экономической борьбы, изъвне сферы отношеній рабочихъ къ хозяевамъ».

Борьба между двумя теченіями перенеслась и въ Россію, гдѣ постепенно большинство комитетовъ были завоеваны «искристами».

Отдѣльно отъ «искристовъ» и «рабочедѣльцевъ» стояла соц.-дем. организація «Жизнь». Характернымъ для воззрѣній ея идейныхъ руководителей было признаніе всеобщей забастовки, какъ основного средства борьбы рабочаго класса и указаніе на явочный порядокъ, какъ на единственный путь завоеванія свободы слова, союзовъ, собраний, стачекъ и пр.

Были попытки изданія печатныхъ нелегальныхъ органовъ и въ предѣлахъ Россіи: таковы петербургская «Рабочая Мысль», представительница крайняго «экономизма» и «Южный Рабочій», сочувствовавшій «искризму».

Въ 1903 г. побѣдители искристы созвали за-границей 2-ой съѣздъ Россійской Соціально-Демократической Раб. Партіи. Съѣздомъ была принята партійная программа, выработанная редакціями «Искры» и «Зари».

Въ этой программѣ «диктатура пролетаріата» выдвигается, какъ «необходимое условіе социальной революціи».

«Ближайшей политической задачей» указывается «демократическая республика», при чемъ приводятся основные принципы ея конституціи (всеобщее, равное и прямое избирательное право, неприкосновенность личности и т. д.).

Изъ протоколовъ съѣзда, которые являются какъ бы толкованіемъ программы, видно, что составители признавали за «основными демократическими принципами» лишь условную цѣнность.

Выясняя по этому вопросу разницу между ортодоксальными социаль-демократами (искристами) и оппортунистами, одинъ изъ ортодоксальныхъ делегатовъ, Посадовскій, сказалъ:

«Несомнѣнно, что мы не сходимся по слѣдующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тѣмъ или другимъ основнымъ демократическимъ принципамъ, признавъ за ними абсолютную цѣнность, или же всѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей партіи? Я рѣшительно высказываюсь за послѣднее. Нѣтъ ничего такого среди демократическихъ принциповъ, чего мы не должны были бы подчинить выгодамъ нашей партіи (восклицанія: «и неприкосновенность личности!») Да! И неприкосновенность личности! Какъ партія революціонная, стремящаяся къ своей конечной цѣли—соціальной революціи—мы, исключительно съ точки зрѣнія скорѣйшаго осуществленія этой цѣли, съ точки зрѣнія выгоды нашей партіи должны относиться къ демократическимъ принципамъ. Если то или другое требованіе будетъ невыгодно намъ, мы его не будемъ вводить».

Предсѣдатель съѣзда Плехановъ «вполнѣ присоединился къ словамъ тов. Посадовскаго» и дополнилъ ихъ.

«Каждый данный демократическій принципъ долженъ быть разсматриваемъ не самъ по себѣ въ своей отвлеченности, а въ